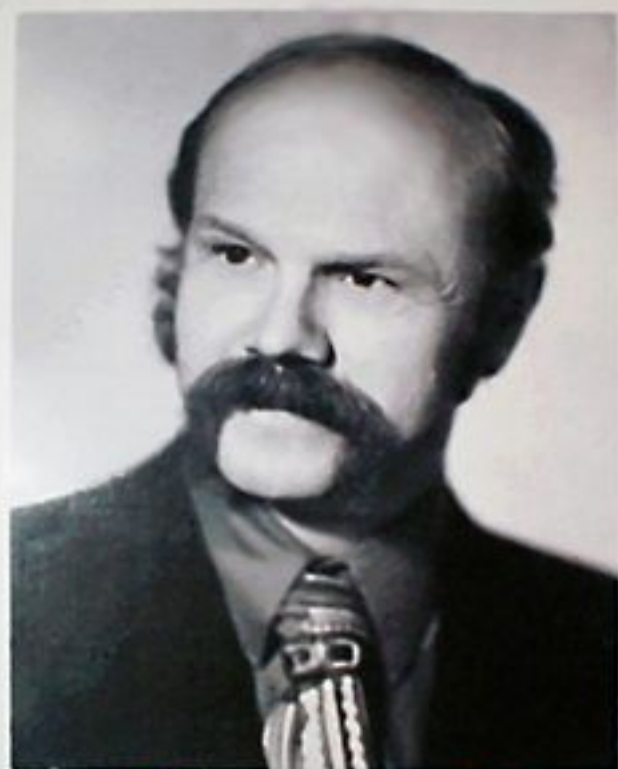




**Анатолий
Санжаровский**

Анатолий Никифорович Санжаровский

Жена напрокат

предоставлено автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172024

А.Н.Санжаровский Собрания сочинений в десяти томах (тринадцати книгах), том 2 и 5: «Новый век», «Опята»; Москва; 2004

ISBN ISBN 5-8235-0037-8, ISBN 5-98040-034-6

Аннотация

Раньше основная часть этой книги юмора была напечатана под названием «Блёстки» в пятом томе собрания сочинений А.Н.Санжаровского в десяти томах (тринадцати книгах). Москва, 2004.

Содержание

Муж, найденный в стогу	4
Поцелуй в овраге	8
Сандро	11
Конкурс невест	15
Квартиранты	18
Как вернуть утраченную любовь	21
Третий билет	23
Маневры женского сердца	24
Где наше не пропадало!	27
Смерть по графику	29
У подножия славы	30
Такая любовь	32
Молочный козел	35
Осмелилась мышка пощекотать кошку	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анатолий Санжаровский

Жена напрокат

Книга юмора

Главное для писателя – работа без трупов. Прочитал чтоб человек твою книжку и не помер. Со скуки.

Пока Бог миловал.

К счастью, ещё ни один покойник не написал мне, что в скуке заснул над моей книгой вечным сном. Претензий ко мне ни у кого никаких.

Буду стараться и дальше.

Чтоб мой читатель жил вечно.

И читал, читал, читал...

Автор 31 декабря 2003. Среда

Муж, найденный в стогу

(История с историей моего первого фельетона)

Жизнь развивается по спирали и на каждом витке искрит.

Тамара Клейман

Врач зайдёт, куда и солнце не заходит.

Грузинская пословица

В вид из нашего редакционного окна влетел на взмыленной кобылёнке с подвязанным хвостом молодой здоровяк, навспех привязал её к палисадной штaketине и через мгновение горой впихнулся к нам в комнату.

– Кто из вас главный? – в нетерпении крикнул он.

В комнате нас куковало трое. Все мы были рядовые газетчики. Но в душе каждого сидел главный. Да кто ж признается в том на миру?

Все мы трое аккуратно уткнулись в свои ненаглядные родные бумажульки.

– Так кто ж из вас главный тут? – уже напористей шумнул ездун.

Мы все трое побольше набрали в рот воды. Воды хватило всем.

Мы сидели в проходной комнате. За нашими спинами была пускай не Москва, но всё же дверь к самому главному редактору.

На шум важно вышла из своего кабинета наша редакторша.

Мы все трое уважительно посмотрели на неё. И тем без слов сказали, кто в редакции главный.

– А что случилось? – спросила Анна Арсентьевна.

– Да вот! – Парень махнул кнутом. – Пишите про эту гаду... Не то я эту гаду захлещу кнутом. Вусмерть!

– А вот этого не надо, – флегматично сказала Анна Арсентьевна. – Не то вас посадят.

– Тогда скорее пишите... Сеструха пришла к нему с зубами... А он её чуток не... Ну гад же!

– Можете не продолжать, – сказала Анна Арсентьевна. – Мы знаем, о ком вы... Это наша всерайонная зубная боль...

Тут Анна Арсентьевна повернулась ко мне.

- Это о Коновалове. Выслушайте, Толя, парня и пишите фельетон.
- Но я не написал ещё ни одного фельетона! – в панике выкинул я белый флаг.
- Вот и напишете первый.
- Я зачесал там, где не чесалось.

Мы вышли с парнем в коридор.

И тут его прорвало.

– Мы одни... По-молодому как мужик мужику я тебе выплесну вкратцах. Пришла она к нему с зубами. А он глянул ей в рот, и загоревал котяра: «У-у-у!... Да у тебя страшный вывих невинности!» – Она и вытаращи на него зенки. В страхе допытывается: «Какой ещё вывих невинности?» – «Той самой. Святой. Богоданной!» – «Да у меня никто ничё и не отбирал. Что Боженька дал, то и при мне всё! Я ещё ни с одним парнем толком не гуляла!» – «А тут парень и не нужен. Невинность – товарушко хрупкий... Неловко присела, вот и вывих! Но ты не горюй. Я хорошо вправляю!» – «Но вы-то врачун по зубам!» – «И по всевозможным вывихам... Универсалище ещё тот!» – Она, дурёнка, и поверь. Вот невезёха!... Поплелась к Коновалистому в комнатку – он живёт тут же, при поликлинике, – на вправление вывиха... Козлина этот быстренько дверь на крючок и разогнал было всandalить. Да не на ту набежал. Мы, борщёвские, люди хваткие. По мордяке честно добыл два разка! На том и вся кислая рассохлась канитель... Пиши про эту гаду. Не то я за себя не поручусь...

А ночью мне, холостяку, приснилось, будто я уже казакую при жене и при сыне. И по пути из детсада забрели мы с ним в наш магазин. Выходим с молоком.

Идёт ровный, спокойный дождь.

– Пап, смотри! А дождь прямой, без зарючки!

В дверях впереди него замешкалась молодуха.

И сынишка сердито толкнул её в левую паляницу.

Она нервно сбросила его ручонку со своей сдобы:

– Что ты делаешь, мальчик?!

– Сынку, не толкай, – говорю я. – А то у тётки может произойти вывих невинности.

– Какой такой ещё невинности? – подивилась подмолодка.

– Святой... Богоданной... – апостольски уточнил я.

Наснится же такая глупь!

У меня впервые заболел зуб. С неделю уже маюсь. Всё собирался сбежать к врачу. Сегодня-завтра, сегодня-завтра... И бежать к тому же Коновалову. В районном нашем сельце Щучьем другого зубаря нет.

Если сейчас настрочу про Коновалова, то как потом буду я у него лечиться? Он же вырвет из меня что-нибудь другое вместо больного зуба!

И наутро поплёлся я к нему как рядовой зубной страдалец.

Я ещё рта не успел толком раскрыть, как Коновалов с апломбом выкрикнул:

– Рвём!

– Может, для началки хоть немножко полечим?

– Трупы не лечим!

Я расстался с первым зубом и твёрдо решил заняться фельетоном.

Невесть откуда узнала про это наша редакционная бухгалтерша, приятная дама балзаковского возраста, и сноровисто понесла Коновалова по кочкам:

– Этот Коновалистый такой тип! Это тако-ой типяра!... Я прибежала к нему с зубами! А он помотался этак сладкими глазками по мне и: «Раздеваемся!» – «И вы тоже?» – спросила я невзначай и слегка шутя.

«Я при исполнении... Мне не обязательно...»

«А как раздеваемся?»

«Традиционно. Как всегда».

«И до чего раздеваемся?»

«До Евы».

«Но у меня же зуб!»

«И у меня зуб. И не один... И чего торговаться? Да знайте! Врач заходит даже туда, куда и стыдливое солнце не заходит! Раздеваемся! Народ за дверью ждёт!»

«Ну зуб же болит! А зачем раздеваться?»

И он мне научно так вбубенивает:

«Для выяснения *всей* картины заболевания!»

Всей так всей...

Ну, разделась. А он:

«Походим на четвереньках».

Я чего-то упрямитесь не стала. Быстро-весело помолотила вокруг зубного станка. Разобрало, что ли... Я ещё и вокруг самого Коновала гордо прошапцировала на четырёх костях...

Он стоит слюнки глотает. Во работёха!

Я на него даже разок тигрицей зубами щёлкнула.

А он весь распарился, зырк на дверь, зырк на меня и никаких делодвижений. Лишь сопельки глотает. Ну не типяра ли он после этого?

Я понял, весь грех Коновалова слился в то, что он дальше смотрин не шагнул. И случай с бухгалтершей я не воткнул в фельетонуху. И подлинную фамилию девушки не назвал. Всё меньше будет хлопот у борщёвских скалозубов.

Вовсе не фельетон, а статья выплясалась у меня, и статьяра длинная, нудяшная.

А Анна Арсентьевна прочитала её и сказала гордовато:

– Прекрасный фельетон! Вместе понесём на согласование в райком. Праздник! Первый фельетон в газете!

Февральским выужным вечером мы с редактором двинулись в райком, к первому секретарю с красивой фамилией Спасибо.

Тока не было.

Анна Арсентьевна читала ему моё творение при лампе.

Я, дыша через раз, мёртвым столбиком торчал в сторонке.

Первому мой фельетонка понравился.

– Прекрасный испёк фельетон! Надо громить этого пьянчугу и распутника. Только, – Спасибо пистолетом наставил на меня руководящий мохнатый палец, – дорисуй нужную концовку моими словами. Присядь на углу моего стола и запиши. Диктую: «Врач. Советский врач. Я преклоняюсь перед людьми, которые носят это святое звание. Ведь им мы вверяем самое дорогое – свою жизнь. И до слёз становится больно, когда среди них нет-нет да и промелькнёт пятнистая душонка, подобная Коновалову. И долго ли он будет чернить честь советского врача?» – И уточнил: – До завтрашнего утра. Про утро не для печати... Записал?

– Записал... Спасибо Вам...

– Не за что.

После дополнительных бесчисленных руководящих усешек и утрусок мой фельетонидзе наконец-то прорисовался в газете.

В день его выхода Коновалов решительно напился.

Ну как можно было такое событие не обмыть?

Он был такой *чистенький*, что никак не мог добрести до своей сакли и замертво пал отдохнуть в знакомом стогу.

В тот исторический тёмный момент, когда над его фривольно откинутым в сторону башмаком белым тёплым облаком опускалось нечто непередаваемое на словах, он проснулся и очень даже уверенно взял хозяйку облака обеими руками за легендарное колено и почти твёрдо проговорил:

— А вот этого делать не надо.

Она узнала знакомый голос и, в деланном испуге вскрикнув для приличия, поинтересовалась:

— Пал Егорыч! По этой египетской темнотище я вас и не заметила в стогу... Вы-то что тут делаете?

— Пришёл сынка проведать! — с вызовом болтнул он первое, что шатнулось на ум.

— Дак сынок-то не в стогу пока живёт... В хате.

— Приглашай в хату.

Пал Егорыч, отважистый донжуанец, сорил *любовью* налево и направо. В щученских дворах в пяти бегали его сорванцы. Они и не подозревали, что у них есть живой папик.

Пал Егорыч вовсе и не собирался проведывать своего сынка. Всё просто ну так крутнулось. Просто набрёл на подгуле на знакомый стог, по старой памяти просто припал отдохнуть. И чем повернулся этот внеплановый привал? Как-то так оно нечаянно свертелось, и он пустил слабину, попутно — ну раз уж по судьбе занесло сюда! — решил наконец-то жениться.

А через недельку я столкнулся с молодожёнами на улице.

Они шли в загс.

— Я б этого святого гада задушил, — брезгливо сказал Пал Егорыч, показывая невесте на меня.

— Ой! Жуть с ружьёй, что ты мелешь?!... А я позвала б его в свидетели! А там и в посажёные отцы... Смотри... Худенькой веснушчатый парнишка, а чего смог... Умничка! Наконец-то этот бухенвальдский крепыш жанил тебя, бесхозного жеребца! Наконец-то у меня нарисовался законный супругец, а у Виталика — всезаконный папайя. Область отстегнула тебе хорошее новое назначение. В городке! Уедем отсюда... из этой дыры... А без фельетохи всё это было б?

— Никогда.

— А ты — сразу душить. Благодарить надо!

— А я что делаю? Мысленно... Всё б ничего, да ты слегка худовата, костлява...

Невеста расхохоталась:

— Егорыч!... Ну да Егорыч!... Роднуша!... Да ты ль не знамши?... Живёшь — торопишься, даёшь — колотишься, ешь — маешься, где ж тут поправишься?!

19 февраля 1960.

Поцелуй в овраге

Иногда, чтобы сделать женщине приятное, приходится с ней расстаться.

А. Байгильдиев

Только ты, Сашок, не представляешь, как обрадовало меня твоё письмо.

Был пасмурный день: изредка, то находя буйными порывами, то снова замирая, подобно биению сердца, лил дождь.

Дождик не радовал моё молодое тело, ибо оно находилось в дороге. В эти дни – с 18 по 25 июля – была дома. В Борищёве. Правда, дом очень далеко, но я ездила.

Прежде чем писать всю правду, хочу извиниться: ты не имеешь права потом смеяться надо мной.

Итак, это было очень и очень давно, когда мне исполнилось всего семь лет. Я жила в том самом домике, где проходит моя молодость сейчас, в эти летние дни. Тогда я была подобна лани – дика и боязлива. У меня были те же чёрные глаза и те же брат и сестра, что и сейчас. В семье я была самая юная и красивая. Ух и шикаристочка была!

В один прекрасный день пришло несчастье к нам – сбёг родный папочка. Будто собаками его куда угнали! Нас трое у матери. Ты знаешь, что такое дети? Радость и горе! Из-за нас она вынужденно полюбила недостойного человека.

Сашок! Мой шоколадный Зая! Не осуждай меня так строго за прямоту. Рано или поздно придётся это высказать. Да! Придётся! Я так люблю тебя, мой, конечно, единственный, что не могу описать. Моя любовь подобна родниковой воде – чиста и прозрачна. Я ещё никому не говорила такого и не знаю, как высказать то, что на сердце.

С того дня, когда мы познакомились на почте, я не перестаю думать о тебе. Я во многом виновата, но ты должен простить мне: я была молода и неопытна. Да и условия не позволяли тебя крепко любить.

Я думала, увлечение тобой быстро уgomонится. Не вышло. Тебе легче, чем мне. Во-первых, ты мужчина. А мужчины переносят неприятности гораздо проще, чем женщины. Ведь ваше мужское сердце в три раза, по подсчётам одного женского журнала, крепче нашего, отсюда и вывод. В школе я познала любовь, хотя не совсем, но краешком пришлось коснуться.

Как вспомню тот новогодний вечер (помнишь, в десятом классе?), когда ты в туфельках по рыхлому снегу чесал за мной... Зачем? Ты же знал, что я не хотела тогда с тобой встречаться. Кстати, о чём ты думал тогда? Ведь хотел что-то сказать, да я не хотела слушать. Отслоилось три года. Теперь очень хочу знать, здорово ты обиделся тогда? И что хотел сказать?

Я сейчас поняла, чем ты дальше от меня географически, тем ближе к моему сердцу фактически.

Я никогда не забуду наш первый поцелуй в овраге, поцелуй пылкий и безжалостный, но такой родной. Помню, как ты тихо, но знойно спросил разрешения. Всё помню. Только вот одного не могу припомнить, почему после новогодней истории резко говорил со мной, когда я принесла тебе, члену стенгазеты «За богатый урожай», стихи. Ты отшиб мне всю страсть писать их. Я пришла за помощью. Я хотела понять тот божественный мир, в котором ты живёшь. Но ты оттолкнул.

Я думала, ты оттолкнул навсегда, и решила развлекаться по-товарищески с одним. Увы! Он не увлёк меня. Я думала бессонными ночами о тебе, о литературе, об искусстве.

И вот между строк твоего письма я прочитала – рано или поздно твоя судьба должна слиться с моей. Сложная проблема. Но неужели всё это правда!? А твои родители согласные? Что касается моей мамани, так она против не пойдёт. Главная сила в нас двоих. Молодежь вон в Африке цепи колониализма рвёт! А тут... Но до тех дней надо дожить. Мне год на маляра учиться, а тебе на агронома целых шесть заочных лет. Это может истрепать все твои чувства.

Сашок! Можешь не сомневаться, что я здесь, на стороне, с кем дружу. Я не какая там мочалка, что бегают из рук в руки. Я не такая! Если кого полюблю, то обязательно других оставляю в покое. А вообще в большом городе очень трудно красивой девушке. Пошла как-то в церковь. К Богу с чего-то захотелось приблизиться. А ко мне приблизился один священнослужитель. Этот долгогривый пенс¹ нажрался где-то как шланг и принял меня за шмоньку. Да не на ту наскочил! Еле отбилась от этого долгогривого шустриллы. Чуть Боженьке святую душеньку не отдала... Но это я отвлеклась от ровного пути. Меня попутывает мысль, не обведёшь ли ты вокруг белого пальчика? Ой, смотри! Ты же для меня всё: мать, сестра, брат, друг...

Эха, как хорошо, если бы мы встретились. Я жажду этой встречи. Ты писал, наша встреча зависит от меня. Теперь – от тебя. О! Как я тебя встретила б! Представь. Вот подходишь к общежитию нашего училища, спрашиваешь меня.

Я выскакиваю из кошачьего домика с такой радостью и вдруг осечка: робость, неуверенность, девичья гордость не дают обнять твоё нежное лицо. Я буду ждать и томиться до вечера, когда ночь нас обнимет. С помощью луны я так прильну к тебе, мой сладкий Зая, обовью твою шею и нежно – нет, нет, напротив! – горячо, с жаром припьюсь к твоим губам и буду целовать, целовать, целовать, пока оба не будем пьяные. Как хотела бы быть твоей спутницей... Горе и радости делили б без обиды пополам. Тебе кучка – мне кучка. Обе равные. Я готова ждать. Лишь бы знать, что твоё пылкое сердце стремится к моему ещё более пылкому. Меня просто бросает в жар, когда вижу твой почерк на конверте. Ещё больше бросит в жар, когда увижу твой образ. Почему не вышлешь свою фотку? Жаль? Или нет грошей? Ведь любишь. А кто любит, тот исполняет все капризы. Сколько тебя не видела, а образ твой всегда передо мной. Эха, Зая, как хорошо быть вместе!

Сашок, опиши подробно о себе с самого раннего детства и мечты на будущее. О своей семье и товарищах. Есть ли у тебя там девушка? (Я всё ещё сомневаюсь.) Молодость требует порой то, что невозможно исполнить. Очень прошу, напиши, с какого ты года, а то я столько тебя знаю, а вот с какого ты года не знаю.

Мой Зая, я с тобой поговорила. Так легко на сердце стало.

Да! От уличных прилипальчиков я слыхала, что я похожа на какую-то Кармен. Ты не знаешь, кто эта Кармениха? Ну да ладно... Пиши каждый день, а то сомневаться буду в верности твоих чувств. Вот ещё что волнует меня и очень даже. Сдал экзамены или нет? Я столько ждала из Воронежа письмо: хотелось ободрить, поддержать в трудную минуту. Почему не написал? Забыл? Некогда? Переживал? Дома я очень весело отдыхала. Веселье было исключительно разнообразное. А сейчас иду умываться и спать, почерк дурной стал и глазам больно: с дороги устала. Из дома только.

На этом кончаю свою филькину грамоту, не обижайся и не упрекай за прямоту, мой тюльпанчик сериглазый.

В будущем безраздельно твоя Тоня Зиброва.

Как же, как же...

Держи, Кармен, шире!

¹ Пенс – пенсионер.

1960

Сандро

Кто всегда смеётся – дурак, кто никогда не смеётся – несчастный.

Подъём большой – и спуск трудный.

Грузинские пословицы

Под одной красной черепичной крышей жили столовая и магазин.

Верховодил в магазине «самый длинный Сандро» с тонкими прозрачными пальцами, как у неврастеника.

Какой продавец!

Про него даже газеты писали, что он «настоящий боец на фронте культурного обслуживания покупателей».

Эта страсть к культуре появилась у него после одного очень пикантного приключения.

Приходят раз к нему трое работяг:

– У нас тут пожар... Шланги горят!² Дай одну на троих. Надо ж тушить!.. Долг запиши в тетрадку.

– Ваймэ! Нэт, дорогие друзиа.

– Для друзей да ещё дорогих всегда есть.

– Нэ всэгда, – усомнился Сандро.

– Так будет всегда! – было ему авторитетно обещано.

Часов в десять вечера Сандро прикрыл свою лавочку, пересчитал выручку и, довольный, насвистывая «Сулико» после честного трудового дня, резво затрусил к себе в новенькую походную избушку, которая, как символ вольнолюбия хозяина, стояла не на курьих ножках, а на арбе с колёсами. Только он эдак благородно щёлкнул за собой крючком, как его закрыли на вертушку.

Сандро не спопанился, как лёгкая деревянная его летняя резиденция перевернулась и закачалась на заботливых руках.

Её несли.

Сандро лежал, как он потом рассказывал, спиной на стене, ставшей полом, и усердно звал родительницу в освободители от тёмных сил.

Он вмиг умолк, когда очутился в воде. Тут Сандро своей чугунной головой снёс дверь с петель и вынырнул.

Фу ты!

Его бросили в круглый цементированный бассейн с высоко выступавшими над водой осклизлыми боками, который был на взлобке посёлка и издали смотрелся кратером на Везувии.

Сандро понял, что матушка его зова не услышит, а потому стал выкрикивать безадресные мольбы о помощи.

– Бей водяного! – услышал Сандро, и в бассейн посыпались градом пустые бутылки, банки и даже невесть откуда взявшиеся старательно обглоданные рыбы позвонки.

Сандро в мгновение ока оценил соотношение тёмных и светлых сил и прибил к берегу, откуда бросали.

Баталия утихла.

² Шланги горят (у кого) – о жажде при похмельном синдроме.

До ограды не дотянуться. Стать на дно в бутылках – захлебнёшься. Правда, это не обязательно, если сможешь отхлебнуть с десятков цистерн. Но такой вариант не по зубам Сандро, и он тоскливо взобрался на свой катафалк и простоял, продавая дрожжи, на нём до утра по грудь в воде.

Он слышал, как к его резиденции подбегали ночные клиенты и, не найдя её на месте, не ударялись в панику, лишь торопливо расплёскивали сахарок в районе колёс, ворча снисходительно:

– Какой-то жлобина пожадничал и уволок для персонального удобства.

Утром Сандро извлекли из бассейна посредством верёвки и отвезли в город к врачу, потому что Сандро взял моду бить себя по чердачку и причитать, по временам кусая несъедобные локти:

– Зачем ты меня, мама, с такой дурной головой родила!?

Голова не носовой платок, не купишь в магазине. Дефицитный товар. Не достанешь из-под полы, а в открытой продаже тем более.

Вот после рассказанного случая всё это Сандро намотал себе на ус, и у него появилась нервная страсть к культуре.

Теперь, когда у него спрашивали то, чего нет, он молча тащил покупателя за прилавок, сбрасывал всё с полок небьющееся на пол:

– Смотри!

Потом властно вёл перепуганного покупателя на склад, переворачивал всё вверх дном:

– Смотри, родной, дорогой! Нэту!

А потом на три дня закрывал магазин, чтобы привести в божеский вид своё хозяйство. На дверь же вешал записку:

«Пашол на палчиса пакюшат шашлик на патружка».

Теперь кидало в жар Сандро и отсутствие присутствия бумаги.

Ну да! Той самой, для обёртки.

А без неё ни а, ни бэ, если желаешь культурно обойтись с товарищем покупателем.

И хитрый Сандро нашёл выход.

Он подружился с дядей Федей.

Дядя Федя – комендант. Человек для каждого из нас важный. Пусть он не отец-кормилец, но отец спокойствия.

У дяди Феде нет руки.

А ту, что есть, левую, моет он интересно. (Тётя Надя, жена, не любит его и никогда ему не поможет.) Из толстенной алюминиевой кружки он набирает воды в рот, обливает столб, который держит перила и карниз крыльца, намыливает мокрый кусок деревяшки и трёт об него левую свою со всех сторон – от ногтей до плеча. Потом поливает на руку изо рта, продолжая ею тереть – смывает мыло. При этом на его лице столько брезгливости и отчуждения, что, кажется, он жалеет, почему война не оторвала и левую.

Столько отчаяния в нём было каждое утро...

Конечно, наши тимуровцы не могли пробежать мимо чужой беды. Они составили график, и по утрам приходили поливать на руку дяде Феде и ревниво набирали себе очки.

Раз тётя Надя подкараулила и так выдрала за уши Витьку Стадникова, что теперь ни одного тимуровца палкой не подгонишь к дяде Феде и калачом не заманишь.

Свой выпад тётя Надя прокомментировала так:

– Пусть поменьше прикладывается! А руку он не на войне посеял. Оттого отнялась – больно много чарок за себя вылил. Он же не пьёт! За себя только льёт!

Что так, то так. Ни убавить, ни прибавить.

Дядя Федя ко всем вхож, как медный грош. Почтальон!

Именно это и обратило к нему взор Сандро.

Дядя Федя был из того сорта людей, которые, случайно сделав кому-нибудь приятное, не могут уйти, не получив, сами понимаете, вознаграждения.

За почтой он бегал раз в неделю, в трудный понедельник.

К нему приходили сами или он, подкараулив и нагрянув на адресата у пивной стойки, говорил нехотя:

– Тут тебе прислали. На. Потом прочитаешь. А то пиво кончится.

У него был нюх, присущий, видимо, только почтальонам. Он по почерку угадывал, о чём писали. Если радостное – он мог уйти за пять километров на плантацию, где работал человек, и, сияя, вручить письмо.

При этом, конечно, он не спешил уходить.

Письмо читалось вдоль и поперёк, потом обсуждалась с подчёркнутым энтузиазмом каждая строчка.

Инициатива, естественно, была в цепких руках дяди Феди.

Подходил обед.

Почтальон и владелец письма, мило перетирая свежие и позапрошлогодние новости, заходили в магазин.

Расчувствованный письмом человек покупал *за труды* дяде Феде гранёный стакан звёробоя. Это полагалось за радость по таксе, установленной безапелляционно самим почтальоном.

Потом он весёлым шагом отправлялся в посадку, клал гору газет в головы и сосредоточенно читал все письма на тот случай, что они имели необъяснимый для самого почтальона обычай пропадать. Так он хоть скажет беднягам, что там было. Любопытство его никогда не мучило.

Едва дядя Федя слипал глаза, как из засады выбегали резвые пионеры-второсменники, выхватывали из-под головы все газеты и письма и со спокойным достоинством несли в родную школу. План по макулатуре надо же как-то выполнять. Это взрослые могут на корню план зарубить, а детям это сделать высокая сознательность не позволяет. План они всегда дают любой ценой, как и взрослые.

За такой оборот дела никто не обижался.

У почтальона и без того горя хватало. Все ему сочувствовали. Нет у человека руки, не любит жена. До чужих ли писем тут? К тому же он комендант, тамада всех весёлых мероприятий. А где комендант, там и радость. Ну, как на него поднимется язык? Да и стоит ли из-за каких-то писем и газет! Газет ещё пришлют, журналисты без дела не сидят. Кому нужно, тот и письмо ещё раз начирикает. Ничего с ним не случится.

И вот тут-то вышел из тени на свет предприимчивый Сандро.

– О мудрейший! О высокочтимый Фёдоре! – лихо закручивал он игольчатый кончик чёрного уса. – Зачём тебе терять газеты где-то? Приноси мне, я – тебе! – Сандро ловко расставил пальцы на высоту гранёного стакана. – Не бойся. Я тебя нэ обману. Ти не покупатель.

– Как-то совестно не носить хоть раз от разу, – набрасывает цену дядя Федя.

– Воскресни газет я не трону. Эйо будэшь отдавать. Эсли спросят, где остальные, ответь: зачём тебе зря тратить время? Читай в воскресни статью «Мир за неделю» и всё будэт ясно, как дважды два – пятизвёздочни коньяк! И ти доволен, и я культурно работаю. Счастливи и наш общий друг товарищ покупатель и читател: несёт селёдку нэ в кармане и нэ в кэпке, а в свежи газет. Можэт и почитать, пока идёт на доме. Во-от на какую високую высоту поднимэт Сандро Квирикашвили торговлю на селе!

Знал, куда стрелял.

Проблеснули в газете портрет его и покупательская похвалюшка:

«Нет слов, чтобы выразить благодарность продавцу нашего посёлка Квирикашвили. У него всегда чистые руки, доброе сердце и обёрточная бумага. Пусть приезжают и поучатся продавцы у него, как надо обслуживать славных сельских тружеников!»

Хорошо, что никто не приехал перенимать опыт.

1961

Конкурс невест

Куда скачет всадник без головы, можно узнать только у лошади.
Б. Кавалерчик

У меня два брата.

Николай и Ермолай.

Ермолаю, старшему, тридцать три.

Мне, самому юному, двадцать пять.

Я и Ермолай, сказал бы, парни выше средней руки.

А Николай – девичья мечта. Врубелев Демон!

Да толку...

И статистика – «на десять девчонок девять ребят» – нам, безнадёжным холостякам, не товарищ.

Зато мы, правда, крестиком не вышиваем, но нежно любим нашу маму. Любовью неизменной, как вращение Земли вокруг персональной оси. Что не мешает маме вести политику вмешательства во внутренние дела каждого.

Поднимали сыновние бунты. Грозили послать петицию холостяков куда надо.

Куда – не знали.

Может, вмешается общественность, повлияет на неё, и мы поженимся?

Первым залепетал про женитьбу Ермолай.

Он кончил школу:

– Ма! Я и Лидка... В общем, не распишемся – увезут. Её родители уезжают.

Мама поцеловала Ермолая в лоб:

– Рановато. Иди умойся.

Ермолай стал злоупотреблять маминым участием.

В свободную минуту непременно начинал гнать свадебную стружку.

Однажды, когда Николайка захрапел, а я играл в сон, тихонечко подсвистывал ему, Ермолай сказал в полумрак со своей кровати:

– Ма! Да не могу без неё!

Это признание взорвало добрую маму.

– В твоей голове ветер!

– Ум! – вполголоса протестовал Ермолай. – У меня и аттестат отличный.

– Вот возьму ремень, всыплю – сто лет проживёшь и не подумаешь жениться!

Кавалер – хны, хны.

Я прыснул в кулак. Толкнул Николашку и вшепнул в ухо:

– Авария! Ермолка женится!

– Ну и ёпера!

– У них с Лидкой капитал уже на свадьбу есть. И ещё копят.

– Ка-ак?

– Он говорит маме: Лидке дают карманные деньги. Она собирает. Наш ещё ни копейки не внёс в свадебный котёл.

– Поможем? – дёрнул меня за ухо Коляйка. – У меня один рубляшик пляшет.

– У меня рупь двадцать.

Утром я подкрался на цыпочках к сонному Ермаку и отчаянно щелканул его по носу. Спросонья он было хватил меня кулаком по зубам, да тут предупредительно кашлянул Николаха. Ермолай струсил, не донёс кулак до моих кусалок. Он боялся нашего с Николаем союза.

Я сложил по-индийски руки на груди и дрожаще пропел козлом:

– А кто-о тут жеэ-э-ни-иться-а хо-о-очет?

Ермак сделал страшное лицо, но тронуть не посмел.

От досады лишь зубами скрипнул.

– Вот наше приданое, – подал я два двадцать (в старых). – Живите в мире и солгасии...

Я получил наваристую затрещину.

Мы не дали сдачи. На первый раз простили жениху.

В двадцать пять Ермак объявил – не может жить без артистки Раи.

– Это той, что танцует и поёт? – спросила мама.

– Танцует в балете и поёт в оперетте.

– Я, кажется, видела тебя с нею. Это такая некормлёная и высокая?

– Да уж не низкая...

– Сынок! Что ты вздумал? В нашем роду не было артистов. Откуда знать, что за народ. Ты сидишь дома, она в театре прыгает и до чего допрыгается эта поющая оглобля... Не спеши.

При моём с Николаем молчаливом согласии премьер семьи не дала санкции Ермаку на семейное счастье.

Ермолай был бригадиром, а я и Николай бегали под его началом смертными слесарями.

Свой человек худа не сделает.

Эта уверенность толкала на подтрунивание над незлобивым «товарищем генсеком», как мы его прозвали.

Когда у Ермака выходила осечка с очередным свадебным приступом и он не мог защитить перед мамой общечеловеческую диссертацию – с кем хочу, с тем живу, – мы находили его одиноким и грустным и, склонив головы набок, участливо осведомлялись:

– Товарищ генсек! Без кого вы не можете жить в данную минуту?

Если он свирепел (в тот момент он чаще молча скрежетал зубами), мы осеняли его крестным знаменем, поднимали постно-апостольские лица к небу:

– Господи! Утешь раба божия Ермолая. Пожалуйста, сниспошли, о Господи, ему невесту да сведи в благоверные по маминому конкурсу.

Бог щедро посылал, и Ермиша встречал любимую.

Ермак цвёл. Мы с Коляхой тоже были рады и частенько по утрам, проходя мимо проснувшегося Ермака, я яростно напевал, потягиваясь:

– Лежал Ермак, объятый дамой,
На диком бреге Ир... Ир...ты-ша-а!..

Ермак беззлобно посмеивался и грозил добродушным кулаком:

– Не напрягай меня. Лучше изобрази сквозняк!.. Прочь с моих глаз... Живей!.. Не то...

Год-два молодые готовились к испытанию.

Удивительно!

Мама квалифицированно спрашивала о невесте такое, что Ермак, сама невеста, её родители немо открывали рты, но ничего вразумительного не могли сказать.

Мама спокойно ставила добропорядочность невесты под сомнение. Брак отклонялся.

Паника молодых не трогала родительницу.

– Для тебя же стараюсь! – журила она при этом Ермолая. – Как бы не привёл в дом какую пустопрыжку!

Раскладывая по полочкам экзекюторские экзамены, Ермолай в отчаянии сокрушался, что так рано умер отец. Живи отец, сейчас бы в свадебных экзаменаторах была бы и наша – мужская! – рука, и Ермолай давно бы лелеял своих аукающих и уакающих костогрызиков.

Столь крутые подступы к раю супружества заставили меня и Николая выработать осторожную тактику. Объясняясь девушкам в любви, мы никогда не сулили золотого Гиндукуша – жениться.

По семейному уставу, первым должен собирать свадьбу старшук. Ермолайчик. А у него пока пшик.

Мы посмеивались над Ермолаем.

Порой к нашему смеху примешивался и его горький басок.

С годами он перестал смеяться.

Реже хохотал Николайчик.

Я не вешал носа.

С Ермолая ссыпался волос. Наверное, от дум о своём угле. Потвердевшим голосом он сказал, что без лаборантки Лолы³ не хочет жить.

– Давай! Давай, Ермошечка-гармошечка! Знай не сдавайся! А то скоро уже поздно будет махать тапками! – в авральном ключе поддержал Николая.

А мама сухо спросила:

– Это та, что один глаз тудю, а другой – сюдою? На вид она ничего, ладная, а глаз негожий. Глаз негожий – дело большое.

– Ма!.. В конце концов, не соломой же она его затыкает!

– Сынок, дитя родное, не упорствуй. Ты готов привести в дом Бог знает кого! На, убоже, что нам негоже! Тогда не отвертись. Знала кобыла, зачем оглобли била? Бачили очи, шо покупали? (Мама знала фольклор.) За ней через пять лет присмотр, как за ребёнком, нужен. Глаза же!

– Ма!.. Мне уже тридцать три!

– Люди в сорок приводят семнадцатилетних!

Теперь все трое не смеёмся.

На стороне Ермолая я и Николай.

Мы идейно воздействуем на слишком разборчивую в невестах маму.

Ермолай бежит дальше. Устраивает аудиенции Лолика и мамы, как очковтиратель профессионал раздувает авторитет избранницы, убеждает, что золотосердечная Лолушка-золушка не осрамит нашей благородной фамилии.

Лёд тронулся, господа!

Мама негласно сдаёт позиции.

Возможна первая свадьба.

Лиха беда начало.

1961

³ Лола (лат.) – сорная трава, куколь, плевел.

Квартиранты Весенние фантазии

Нет ничего плохого в том, чтобы делать иногда хорошее.
Г. Малкин

Что ни говорите, у Софьи Даниловны и у студента Каюкова вкусы разные.

Разошлись они, как уверяет её светловолосый⁴ чичисбей бухгалтер Недайбогпропа-
дёткопейка, на весенней почве. У неё по весне жёлчные пузыри, словно почки на дереве,
лопаются.

Из-за квартирантов!

Пятнадцатого апреля она скликает их на кухню на конференцию и по случаю прибли-
жения лета читает домашний приказ, выстраданный ею в долгие зимние ночи. В нём наме-
чено: минимум подходов к телефону («Если б автомат установить!»); не назначать по нему
свиданий («очереди будут»); жечь свет в исключительных случаях: отбой в десять («ещё
видно»), подъём в семь («уже видно»). Ослушники подлежат выселению.

Когда маленькая чванливая Софья Даниловна демонстративно покинула кухню,
открылось собрание самозванной ассоциации квартирантов.

– Братики! Звонить будем! Но сначала у телефона повесим кисет из-под табака, как у
Тараса Бульбы. И прежде чем снять трубку, опусти монету. Нет монеты – бросай два кусочка
сахара. Или папиросу. Что есть.

– Жечь свет – сколько наука прикажет!

– Други! Не беги к куриному отбою. Интересный роман – не спеши прочесть. Для
влюбленных распахнуты окна, если дверь заперта и ключи у хозяйки!

– Заговорщики! Она слышнула! Сидит на веранде и ненаглядный кадревич Недайбог
возлагает ей на белый лобик примочки.

– Да бросьте вы, шлепокантрики! – предлагает неунывака Каюков. – Пускай остаются
им примочки, жёлчь, копейки. На улицу! Познакомлю вас с весной. Я – весенний экскурсо-
вод!

Разноцветная а капелла бредёт по тротуару.

Каюков входит в роль:

– Перед вами – цветы, улыбки, девочки. Сколько девочек! Что наделала с ними Весна!
Зимой они были воинственно неприступны. Их красные, синие, белые, шапочки-колпаки я
сравнивал почему-то с военными касками и никаких чувств не питал: безразличен к солда-
там. Теперь девочки разоружились и вместо шапочек-касочек – хвостики на затылочках и у
самого уха – брошь-локатор. Разведывают, кому б понеотразимей улыбнуться. Весна!

– Стойте, рыцари! – Каюков подходит к горрекламе. – Читаю объявления. «Только к
нам идите! Мелкий ремонт обуви производим на ходу. Быткомбинат».

Ребята рассмеялись.

– Тише. «В лесу потерялась такса три недели назад. Окрас рыжий, была одета в крас-
ную шлейку. Девочка очень контактная, идёт ко всем людям. Телефон 425-81».

– Все на поиски контакта! – гаркнула компания.

– Все так все, – соглашается Каюков. – Идём... А пока перед вами...

Остановились.

⁴ Светловолосый – лысый мужчина.

С месяц назад здесь были три ветхих домика. Теперь – строительный пейзаж. И кто на переднем плане!

– Бредите, куда знаете, – сказал Каюков ребятам. – Экскурсия окончена!

– Понимаем-с! – галантно простились с ним друзья.

На переднем плане строительного пейзажа – она. Девушка пролетарского вида. В синей спецовке. Талия – тростник. Очи с кулак, ланиты – заря...

Девушка помахала на кран, сняла рукавицы и присела на перевёрнутую носилку.

Над головой поплыла кирпичная клетка.

– Скажите, – Каюков набрал полную грудь воздуха, словно готовился пойти на дно речное, – кто эти парни и девчата? Вы строите земной филиал рая?

Она умно улыбнулась.

– Почему филиал? Дом молодожёнов. Пятиэтажный рай!

Каюков околдован. Почувствовал – он ничто без чародейки.

Они споро укладывали рыжие плитки.

Каюков добросовестно обливался по`том.

Аля то и дело, смешливо поглядывая на него, сдувала со лба зернистые капли.

Клетка поднялась.

Каюков плюхнулся на грудку кирпичей и стал интеллигентно помахивать ноздреватой шоколадиной, как веером. Жарко!

Он узнал об Але всё.

Приехала из района. Ткачиха. Хотела быть семядолей.⁵ Да передумала. Ходит на подготовительные в его строительный, любит Райкина и без ума от серьёзной музыки. Не терпит ухаживаний. Принцесса с проспекта Недотрог!

– А почему вы здесь после смены работаете? Вас здесь поселят?

– Что вы! Просто так! Тут будут жить мои подруги. Это даже романтично – строить первый в городе дом молодожёнов. История!

– Собираетесь застрять в истории?

– Ничуть! А сами-то?

Каюков машинально дадакнул и вздохнул...

К отбою он не успел.

Едва перевалился через подоконник – братва подхватила его на руки и понесла по комнате.

– Дорогой товарищ экскурсовод! – сказали ему после круга почёта, которого удостоивался каждый влюбленный, вернувшийся со свидания. – Расскажите о последнем экспонате. Мы ждали!

За деревянной перегородкой до рассвета ворчливо кашляла Софья Даниловна, а вся капелла, растроганная повестью о фее, шёпотом философствовала о девичьей красе.

Никто даже не зевнул.

Зевок сочли бы кощунственным и поколотили соню.

Настало лето.

Каждое свидание начиналось на стройке.

Каюков убивал сразу двух зайцев. Проходил институтскую практику. Во-вторых, нравилась строить для людей. Просто так. Просто с любимой девушкой.

По осени он пригласил Алю к себе.

Серебрились окна.

Они сидели на подоконнике.

⁵ Семядоля – учительница биологии.

– Ого! – удивилась Аля. – У вас сад, и ты молчал?

– У Софьи Даниловны.

– А ты разве здесь никто?

Она взяла его за руку и потащила к яблоне, щебеча:

– Я так люблю свежие яблоки!

Каюков упирался.

Подкараулит Софа – пиши заявление завтраем, чтоб принял в подведомственный ему союз небожителей. В институте тарарам поднимет!

Алины пальцы юркнули меж ветвей. В руках – крупнющее яблоко.

Повертела. Подула. Откусила.

– Кусай! – подала яблоко на вытянутых пальчиках.

Он добросовестно откусил.

Так, наверное, лишились рая, почтенные дочери Евы и сыны Адама, наши небезызвестные предки.

Однако надо что-то придумать. У Софы, может быть, записано, где какое яблоко висит.

– Эврика! – выпалил Каюков. – Рви!

– Это похоже на воровство. Разве не хватит одного?

Каюков сунул в карман четыре яблока – и из сада.

Разыскал свою старую рубашку, отполосовал пять лоскутков, завязал в каждый по десять копеек и повесил на ветви, где были плоды.

Эффект – неопиcуемый.

Наутро, заметив пропажу, Софа застонала. Присмотрелась – недоверчиво сняла один узелок. Развязала – быстренько сорвала остальные, спрятала под передник:

– Так и на рынок не надо носить, – пересчитала мелочь. – Только бы пса у Бухтияровых на ночь выклянчить.

Она догадалась по лоскуткам о ночном покупателе.

Каюков переправил студенческие пожитки на новую квартиру.

Перед Рождеством Аля показала ключ:

– Сегодня тот дом распределяли! В штабе кооператива говорят: «Десять комнат свободных. Одна – ваша» – «Зачем? Я ж одна!» – «Век одной не будете; Да вы работали с первого дня до последнего». Не отбилась. Нет у меня настойчивости. Что с комнатой делать? Ну, давай думать!

Думали...

Думали...

Сыграли свадьбу.

1962

Как вернуть утраченную любовь

Трудно не делать глупостей, если на них хватает ума.
В. Сумбатов

Это началось накануне полёта в космос первого холостяка. То было на его родине.
Стоял август.

По Волге-океану гуляли белые теплоходы. Усталые волны с ленцой выползали на пологий пляж, да с неба, ясного, как девичьи глаза, струилась нежная теплынь.

А публика!

Ей тесно, как в предпраздничном чебоксарском автобусе. Даже негде упасть погреть свои кости.

Ага!

Вон у грибка крохотный песчаный пятачок.

Разоблачаюсь.

Я нырнул и пошёл себе на дно.

Грех мой – иду вслепую. И только б-бам!

Из глаз брызнул приличный сноп искр.

«Подводное нападение? Наверх!»

Едва глотнул я воздуха – под носом, тем самым носом, который на семерых рос, а мне одному достался, вынырнула русалочка. Афродита из речной волны! Улыбнулась. О Боже! За такую улыбку отдал бы миллион. В новых – какой разговор! – хотя за душой ни гроша.

«Какая прелесть! Какая прелесть! И встретил на дне с закрытыми глазами!»

Во мне заклокотало рыцарство.

Я смело протянул ладошку уточкой и назвался.

Мы долго плавали наперегонки, ныряли, ходили по дну на руках – всё это звенело в моей груди божественной мелодией первого свидания.

Безынцидентно прошёл первый испытательный, пилотный поцелуй.

Я рассчитывал на не слишком резкую пощёчину и недолгую обиду синеглазки, а получил трогательную уверенность во взаимности.

Бог миловал и на персональных смотрах в Валином доме. В вечернем костюме я чувствовал себя, как манекенщик при показе сомнительной новинки модной мысли.

Ценители – Валя и её мама, кандидат в тётки.

Я, кажется, произвёл впечатление.

Я свободнее вздохнул и даже рискнул посмотреть самой тётке в глаза. Слово чести, она, как и её юное чудо, понравилась мне с первого взгляда.

Прекрасно всё шло к финальной ленточке, которую предстояло разрезать в загсе.

Второе сентября.

Прибывает космонавт.

Улицы с рассвета запружены. Илья-пророк, завождем дождей небесного управления «Гром и молния», из зависти к космонавту льёт ливня.

Но когда над городом пронесся на боку ТУ-сто с лишним, тучи расступились, и заулыбалось солнце. Вместе с нами оно приветствовало первого космонавта-холостяка.

Космонавт, крепко сбитый милый парень с очаровательной родинкой («милый» и «очаровательный» – первые Валины слова при виде гостя), стоя в открытой «Волге» скользит по узенькой асфальтовой реке с людскими берегами.

Вот он на площади.

На трибуну плывут цветы.

Понесла и Валя тот самый букет, который я преподнёс ей сегодня.
Подаёт космонавту.
Тянется на ц-цыпочках... ц-целует...
Я вздохнул, примирительно закрыл глаза.
Открываю – поцелуй продолжается! И продолжение следует!
В моей груди что-то оборвалось, упало к ногам.
Я весь увял.
Я шатаюсь незамеченным в бурливой толпе.
Площадь ликует.
А я думаю:
«Все мы любим космонавтов. Но зачем это так выпукло подчеркивать столь долгим поцелуем на глазах у бедного жениха?»
Слава Богу, поцелуй кончился. Они смеются.
Плакал мой покой.
Пока гостил космонавт, Валя была на всех с ним встречах. Правда, среди встречающих.
«Чтобы полюбила по-прежнему, надо стать тем, от кого она сейчас без ума», – фило-софски заключил я и приплёлся в аэроклуб.
От меня открестились. Слабак!
Вале, между прочим, торжественно объявил – записался в космический кружок!
Валя несказанно обрадовалась.
На её весах любви я, кажется, дал щелчка небесному отпрыску.
Чтобы укрепиться в этом, я уходил из дому в часы, которые хотел проводить в космо-кружке, тоскливо отсиживался за аэроклубом в тихом бесопарке Гагарина. И грустно раз-мышлял о времени, о Вале, о себе, опасаясь встреч со знакомыми.
Космонавт улетел.
Я купил гантели.
На Валиных глазах поднял на вытянутые руки два пуда.
Валя застыла в восхищении.
Я напрягся, зашатался.
Валя воскликнула:
– Милый! Я вижу, как тернист путь в космонавты! Но ты настойчив, ты им будешь!
Правда?
Я отрешённо пролепетал:
– Наверное...
Мы поженились.
О тёще (какое грубое слово!) задумал поэму в трёх частях: детство, отрочество, юность.
В меня сатирик может разрядить фельетон.
Всё так же пять раз в неделю я скрываюсь в глуши гагаринского парка и нервно грызу кончик уже сотого карандаша. Творю.
В самозаточении вчера закончил пролог.
Героиня глубоко лиричной поэмы наверняка спасёт меня в час грядущего разоблаче-ния.
Я не вешаю носа.

1963

Третий билет

Они вошли и в автобусе МВН 21–20 стало как-то видней.

Юноша – сама свежесть, сама молодость – провёл под локоток к сидению свою спутницу. Тихую, светлую.

Сосед, дремучий дедуган, деликатно зевавший, просиял, как несмышлёныш. Локтем пнул меня в бок.

– Смотри! С нами едет Весна! Писаная красавица! Жемчужинка!

Академический бородач восторженно выхватывал из тайников древнего сердца самые яркие эпитеты и безотчётно стрелял ими в прелестницу.

Молодые не слышали его.

Они сидели молча, смотрели друг на друга и улыбались.

Девушка вмельк обернулась.

Ой и глаза!

Столько тепла, что в них может наверняка сгореть весь белый свет. Может и отогреться.

И ясные синие угольки дарили молодое тепло вихрастому принцу.

К ним глыбисто придвинулась кондукторша.

– Три, – подал монету юноша.

Кондукторша пошатала плечами.

– Вас же двое?

– Трое.

– ?!

Юноша привстал. Наклонился к самому лопушку уха кондукторши и торжественно доложил:

– Трое нас. Она (взгляд на девушку), я и наша любовь. Наша любовь уже взрослая. И зайцем не хочет ездить.

Пассажиры засияли.

Я – тоже.

А. Я. Безбилетный. 20 января 1963

Маневры женского сердца

Женщины – лучшая половина человеческих бед.

Г. Малкин

Да кто ж его знал, люди добрые, что свахе взаправде и первая чарка, и первая палка, и вестка в суд?

Намудрёхала я на свою головушку.

Как моргать перед судом праведным, народным?

Я вам как на суду божьем выкладу своё горе. Всё легче...

Муж у меня, две девочки. Такие хорошули! И муженёк пригожий. Без хвастовства.

Живём как люди.

Всё б ладно, да во мне, в ходячем пережитке, бес свахи засел. Так и подмывает то помирить кого, то познакомить да навсегда свести.

Три пары сроднила. Живут!

А на четвёртой повестку притаранили в суд!

Ну...

Как-то распотрошили Малаховский райсобес и тамошнего инспектора Тонюню Амплееву перекинули к нам. На укрепление.

Учёная, не замужем.

– Надоело, – жалуется, – молодиться.

Я будто ждала:

«Бегаёт у меня на примете один бесхозный партизаник. Может, глянешь?»

«А чего? Давай!»

Восьмого Марта обоих привела на вечер в дом культуры.

Со стороны показала её ему. Мой Матушкин (интересная фамилия, когда читаешь с хвоста) аж затрясся:

– Хор-роша до поросычьего визга!

Показала потом его ей. На вздохе доложила она:

– По нашей бедности беру на баланс.

В перерыв *ненароком* столкнула.

После вечера проводили они меня до калитки, простились честь по чести со мной, и пошли ворковать мои голубята.

Тоня – нерослая, хрупкая. Но пальца в рот не занашивай.

А Иван такой смирнуша... На курицу не посмеет косо глянуть. С лица судьбой не обгорен, да хватки нет в делах сердечных. Живёт напротив, всё канючил: подзнакомь да подзнакомь с кем-нибудь. За тридцать, а девушки нет.

Ну...

Сжалилась я да и возьмись в год кролика женить старого холостяка.

Редка девушка ни на кого не держит сердечных видов.

Заговорила с Тоней.

– Что вы! – вздохнула. – Никого! Одного служивого семь лет заочно обожала. Товарка адресок удружила. Ка-ак он писал! А потом заглох, как танк. Я его письмами чай вскипятила. И всё.

Раз она обронила – есть на прицеле в Малаховке какой-то Сергей. Очень юный, очень красивый и совсем ей не пара.

Я не придала значения этому компоту.

А этот Сергуня и смажь все мои хлопоты!

Ладно. Про Сергуху потом...
Ходят мои молодые, ходят...
Ей жужжу про него – ангел, золотой и всё остальное такое. Ему про неё – то же.
Вижу, Иван без её согласности не дыхнет. А ей хоть бы хны.
Знай она поет:
– Тоска-а с ним. Придёт вечером... Я читаю. Сядет напротив, вымолчит часа два и
уплётся. Ни в кино, ни на танцы-скаканцы. Мученье без взаимности, а не любовь!
– Ничего. Распишетесь – слюбитесь!
Перед Маем Тоня увялась в Малаховку в командировку на полтора месяца.
Заявилась до срока и пылает вся нервною любовью:
– Сваха! Поговори с ним. Сегодня или никогда!
Я Ивана в обточку.
А он, сердечный, остолбенел:
– Тако вразушки?!.. Как кирпичиком из-за угла... Сегодня и нельзя – воскресенье.
Загсок на отдыхе.
Расписались они в понедельник утром.
Как я была счастлива! Наверное, больше молодых.
Их поздравляли все.
Заведующая райсобесом дала Тоне трехдневный отпуск.
Но Тоня сказала – снова поедет в Малаховку довершать командировку.
Её уговаривали, да она была неумолима.
– Мапочка! – звонила в Малаховку. – Радуйся или плачь. Я вышла замуж!
– Ты ж ещё вчера не заикалась!
– Вчера было вчера. А сегодня я, мама, законная жона! Встречай!
Все зажужжали: нехорошо в первый час замужества покидать законного супруга!
Тоня махнула рукой и пошла, покачивая гордыми бедрами, к автобусу.
– Не к добру, – выдохнули райсобесовцы хором и стали гадать, будут ли жить молодые.
В субботу она нагрянула в наши края в победном сиянии. Тут насыпались матушкин-
ские родичи, и спелась вечеринка.
С полувечера Тоня нахохлилась, как курица на яйцах, обхватила голову руками и отвер-
нулась от жениха.
Дом так и замер.
Иван раскис, не знает что делать.
Показываю: обними!
Он опасливо обвинил талию и таращится на меня. Что дальше?
Вижу, рука плетъ плетью висит, подрагивает. Где ж там нежности выскочить?! Пока-
зываю: поцелуй, позвони вниз! Дзынькни крепенько хоть разок!
Вспотел, растерянно пялит глаза то на меня, то на Тоню.
Отдохнул малость.
Решился, потянулся.
Она брезгливо оттолкнула.
Всё разгуляево онемело.
Жених безмолвно – в слёзы.
Его матушка и воскликни:
– Господи! Да это ж слёзы божьей радости!
Вызвала я в сени Тоньку.
Так и так, что ж ты, кнопка бесчувственная, сваху в грязь благородным лицом? Я ж
тебя ангелом навеличивала! А ты что творишь, шизокрылая?
И знаете, что она отчебучила? Век не буду сводней:

– Не любила я Ивана!
Встречалась с ним, а сохла-вяла-убивалась-страдала по Сергею.
Я-то не могла распознать.
Он ихний, малаховский попрыгун.
И те полтора месяца с ним поплясывала.
Узнал Сергей про Ивана да нашей Антонине от ворот крутой поворотишко. В воскресенье женился на другой.
Тонька ему:
– Думаешь, меня не любят? В понедельник жди замужней!
Так и выбежало.
Расписались.
Прилетела к Сергею и щёлк по носу брачным свидетельством:
– Ну! Облопался белены!?
Доказала...
Осрамилась!
И меня туда же...
Боже! Ну и нахлебная нынче молодежь. Сойтись сами не сойдутся. И разойтись сами тож не могут.
Пришлось мне и заявление за Ивана в суд писать.
Написала я ясно:
«Раз жена не проживала со мною ни одного дня и нету у неё таких желаний, прошу брак (всамделишный брак!) расторгнуть и ходатайствую о возмещении мне убытков, то есть собирали 2 (два) вечера в сумме 80 (восемидесяти) рублей. А также прошу обратить внимание – она называла меня дураком в полном смысле этого слова».
Перепадёт ей на орехи.
Боже, мне, наверное, тоже.
Молвят, на суде товарищеском в райсобесе будет какой-то посторонний гражданин вроде корреспондента. Так вот он хочет мораль мне пропечатать, чтоб другие не промышляли сватовством на общественных началах.
Господи! Тогда со стыда хоть в лес беги. Так и отвадят от сватьяной свербёжки.
А может, корреспондента не будет?
Тогда и в лес бежать погодить?
Глядишь, какую парочку ещё сосватаю...
Надобно свою оплошку поправкой затянуть.

1963

Где наше не пропадало!

За плохую дикцию эхо ответственности не несёт.

Б. Крутиер

Эх, Русь – тройка с минусом!

А. Рас

Развесёлая картина у мокрого столба с вислыми обрезанными проводами, что стоит у самого правленческого крыльца. Человек десять вмиг нагнулись, затолкались и с тайным ожесточением начали вырывать что-то друг у друга.

Только во весь гренадерский рост невозмутимо в эпицентре толпы держался румяный гражданин с тетрадкой и властно просил, когда из-под его ног, где свирепствовали резкие людские крики и руки толпы, вылетал истошный поросячий визг:

– Тише, черти! Ти-ше! Живьяком ведь передавите!..

Из смутной толчеи вырвалась женщина со взлохмаченной головой и победно подняла за задние конечности хрячка, бросила румяному:

– Во что ценишь, Митрич?

Улей притих, слушает торг.

Пётр Дмитриевич шапку набекрень, поскрёб несократовский лоб:

– А шут его знай... Тридцать!

Кто-то разочарованно присвистнул:

– Заломил...

– Перегибает палку...

– И-и, правдоть насчёт палки, – с опаской добавила женщина.

– Не хошь!? – взбунтовал Митрич. – Ложь назад в корзину!

– И-и, ложь!.. – передразнила.

– Ложь! Теперько за тридцать пять твой!

Женщина сердито швырнула боровка назад в плетёнку.

– Выбирай, граждане! – призывает Митрич, и толпа снова заработала локтями.

Наконец приживил к груди попку мужчина с расстёгнутой рубахой:

– За сколько порадуешь?

– За двадцать пять!

– Поубавь, Митрич. Я не рыжий.

– Ну, по рукам. Восемнадцать! Где наше не пропадало!

– Пиши в свою тетраденцию.

Поросят «отпускали в кредит».

Толпа снова наступает на сани.

И снова гудит ласковая мольба:

– Тише, черти. Живьём задавите.

За какие-то полчаса бригадир Пётр Дмитриевич Кишик сплавил с молотка двенадцать колхозных поросят.

Народ растекался со стихийной ярмарки с визжащими покупками.

Мужику с расстёгнутой рубахой, видно, очень пришлось ко двору существо с пяточком, и он нежно посадил его за пазуху. Сказал:

– Хорош... Смирный.

Коробейник Кишик сияет.

Я пристаю с интервью.

У него падает бесшабашный тонус.
Он конфузливо отнекивается от славы.
– Зачем освещать?
И так доверительно:
– Выбракованных рассовал. Сдал под пашню... Мовет, последний раз пищали...
– !?
– Тут ничего кислого. Вы покупали поросят? А я покупал. Купишь, бывало, в Рязске
– ничего. Принёс в мешке домой – отпевай! Дело базарное. Вот...

1963

Смерть по графику

Иногда в голову приходят такие умные мысли, что чувствуешь себя полным идиотом.

Б. Крутиер

В конце квартала бабушка взяла да и приказала долго жить.

Юная внучка Зина Ермошина ударила челом перед Кудрявцевым: отпустите на бабушкины проводы.

Цеховой отец оскорбился:

– У меня тоже, слава Богу, умирали! Но я по похоронам не скакал. Пахал, а не ручкой с мавзолея махал! План давить кто будет?

Пришелица с какой-то дерзостью противилась.

Начальник смекнул, что усопшая не явится на него с жалобой в местком, и авторитетно рубнул:

– Нет! До конца месяца – три дня. Пожалуйста, покидай она нас первого – отпускаю тебя хоть на полмесяца. Да не сейчас. А то ты погребёшь и бабушку, и план цеха. Бабушке первого не отчитываться!

Думаю я над этой катавасией, и видится мне повеленье Кудрявцева:

«В связи с тем, что цех систематически берёт план штурмом в последнюю декаду, приказываю: личные мероприятия рабочих – регистрации брака, свадьбы, похороны, дни рождения, именины – проводить только в первой половине месяца, дабы потом быть вдвойне мобилизованными на отдачу общественно-полезному труду».

1963

У подножия славы

Смешно лукавить там, где серьёзно врут.

Г. Малкин

Жили-были Витёк и Ванёк.
Не в тридевяти царстве, энном государстве, а в Триножкине.
На заре туманной юности полюбили «королеву».
Стали квадраты рисовать.
Поле – холст. «Беларусь» – кисть.
Стройная «королева» тянулась в небо, будто с выси хотела поведать, какие чудные у неё поклонники. Под ветром гимны пела им.
По осени слух о триножкинских кудесниках докатился до тружеников газетных полос.
Розовые краски мрачнеют, обстоятельства требуют явить колхозного отца Пенкина.
Жил Константин Михайлович без хлопот.
Да тщеславье подкузьмило.
Род людской не ломает копьев над проблемой, зачем человеку голова. Конечно, не только для шляпы.
Начался думающий процесс.
От нежно-розовой перспективы Константин Михайлович чуть не задохнулся и спустил тайную руководилку: носить Ивана Матюшина на руках, пока не вынырнет областную звезду!
Завертели колёсики и винтики агрегата «Маякоделатель».
Первый продукт – моральный харч.
На сходках при случае и без того Ивану запели дифирамбы. Герой нашего времени!
Крой, братва, жизнь по Матюшину!
Парень клонул.
Стали подсовывать кусочки полакомее.
Пришёл в колхоз новый трактор – Матюшину! Новый культиватор – опять Матюшину!
Новый комбайн – только Матюшину!
За полтора года он надменно рисовался на двух только что с конвейера «Беларусах».
А Виктор Ларкин семь лет трясётся на одном рыдване.
Но есть порох в Викторовых пороховницах!
Завязался негласный бой правды и кривды.
По одну сторону Матюшин и колхозная свита нянек, по другую – Ларкин.
Как маякоделатели ни садились, а в музыканты не сгодились.
Осень щедрее вознаградила Ларкина.
Немая сцена в правлении.
Подумать!
Какой-то Ларкин – всем руководящим миром ни обойти, ни объехать!
Ну уж!..
Проплакала осень дождями.
Продрогла зима на ветру.
Заулыбалась солнечно весна.
Не улыбались только Иван и Виктор.
Матюшин зеленел от зависти.
Опять у Ларкина не кукуруза, а лесище!

Правленцы в момент сориентировались, и агроном Галина Лебедева безо всякой ловкости рук перенесла этикетку с 35-гектарного ларкинского леса на чахоточный островок Матюшина.

– Почему? – спросил Виктор председателя на комсомольском собрании.

Пенкин прикинулся шлангом. Не слышит.

Глухому можно позвонить и дважды.

– Так почему?

– Так надо! – громыхнул Пенкин.

Тут был и Матюшин. Он – комсорг.

Неосмотрительному критику воздали по полной программе.

По весне правление заключило с Ларкиным договор, обязуясь создать все условия.

Создало!

Не пустило сеять. Заставило парня возить барду.

Как же далеко забрели очковтиратели, расчищая скользкую дорожку к липовой славе.

– В раздрае с обменом я ни при чём, – умывает руки Пенкин. – Это агроном!

Лебедева нудно распинала правду-матку, высосанную из тощего мизинца. Под конец махнула рукой:

– А! Кто ж его знал, что раскусят!

Чёрт с ними, с портфеленосцами!

Их ещё как-то можно понять в зоологической потуге расшибиться, но ослепить.

А Иван Матюшин?

Как он оказался погремушкой в их руках? Как мог заразиться звёздной чехардой и податься в светила, загребая труд даже друга, с которым рос с пелёнок?

Он что, Иван, не помнящий родства?

20 июня 1963

Такая любовь

*Любовь – это такое чувство, от которого лишаются ума и те,
у кого его нет.*

Г. Ковальчук

Была она одна, а их было двое тёзок.

Ах, как любил её шофёр Витя-1!

А студент Витя-2!

Горячей, чем Ромео Джульетту!

Юная ветреница Ксюня Ястребок ведала: ревнивцы – доведись им встретиться! – так могут схлестнуться, что при ней засветится вакансия сердечного страдальца.

Эта перспектива её ничуть не восхищала, а потому зарубила на носу: отвечать взаимностью чичисбейкам только с разных широт. Их стёжки никогда не пересекутся!

Шофёр, местная любовь, баловал изысканным вниманием. О! Он ни перед чем не останавливался на подступах к сердцу красавицы.

Студент, «прибалтийский зайчик», письменно зондировал её сердце.

Знали бы, что палили по одной мишени...

Они любили.

И – она!

Ксюня, постигшая искусство нравиться, без удержу околдовывала воздыхателей. Богатый ассортимент женихов – богаче предсвадебный выбор!

Молодые пощипались.

Шофёр в сердцах укатил в командировку – дать улечься буре.

Едва присела пыль за машиной, как Ксюня, оскорблённо шмыгая напудренным носиком, понеслась на телеграф.

Ей так срочно загорелось замуж – аж губа трамплином поднялась!

«Витя зпт приезжай зпт если хочешь счастья тчк»

«У жениха был пришибленный вид: на него пал выбор».

Студент на радостях козлинул⁶ и завертелся белкой в колесе.

Перевёлся в заочники, устроился на завод – молодая жена не будет работать! – и, сломя голову, усвистал в Сасово к Ксюшеньке за гарантированным счастьем.

Расписались в пятницу.

Свадьба – в воскресенье.

В субботу молодые пойдут в техникум за её кооперативным дипломом.

Студент ждал у газетного киоска, беспокойно долбил глазами часы.

Она засемила на заветный угол.

В десяти шагах от встречи её нечаянно запеленговал возвращающийся из командировки шофёр.

Видимо, он прекрасно был осведомлён о революционном перевороте в душе своей шикаристки и потому погрозил пальцем. Смотри мне, коза необученная!

Жеманница удивлённо вскинула крашеную удлиненную бровь, демонстративно подняла голову. Секунда – она продефилирует мимо к тому, что ждёт за поворотом.

Тут сообразительный простак примирительно протянул ручки.

У Ксюши подкосились ножки.

⁶ Козлинуть – подпрыгнуть, взбрыкнув ногами.

– Милый! – шлёпнула она верхней губкой и попутно подумала: этот Витя самый родной! А рижанин... Ну нафига козе этот рябой баян?

Грузовик норовисто рванул.

Горький студент с минуту оторопело смотрел вслед машине. Он готов провалиться сквозь землю. Затопал ногами – асфальт не расступался.

Однако невеста почему-то не шла из головы.

Побрёл он к ней домой.

– Она ж... к тебе... – всплеснули руками домочадцы. – Попали мы с тобой в непонятное... Мы отдали её тебе под загговскую расписку? От-да-ли. Всё честь по чести... Сам же видишь, мы не гоним тюльку косяком. И при чём тут теперь мы? Ну она ж, етишкин козырёк, к тебе пошла!

– Пошла-то, может, и ко мне...

Трое суток суженый стыдливо стучался к Ястребкам, стыдливо осведомлялся, не появилась ли законная, и слышал стыдливый шёпот губ – нет.

На четвёртый день, так и не увидев благоверную, новобрачный, как опущенный в дёготь, поплёлся поездом в Ригу.

А Ксюня пять сладостно-жестоких дней и ночей угарно прошлёпала нижней губкой с шофёром под тёткиной крышей.

После медового месяца с *нерасписанным* подала письмецо *расписанному*:

«Витя, если можно, прости. Я постараюсь искупить свою вину и, когда будем вместе, стану достойной женой. Всю дорогу в тоске по тебе. Я хочу быть только с тобой, это решено давно. Ответ давай на тёткин адрес: Сасово, Советская, 138. Дубровиной Анне (для Ксении)».

Рижанин метнулся в развод.

Ксюня тоже не ударила в грязь лицом и в знак беды гордо хлебнула уксусу. Уксус был нашенец, советский, значит, *отличный*. А потому с нею ничего не случилось. Как стакан газировки оприходовала.

Как видим, Ксюня ух и тяжело переживала.

Растерялась в выборе спутника.

Некультипистый рижский фиблик наспигован институтом, рай-житьё в чудном городе, уже свой феррари!⁷

У шофёра, у этого недогона ушатого,⁸ тоскливая семилетка, прозябание в кугутне.⁹ Он почти филон.¹⁰

Зато шофёр красивше.

Уравниловка!

Она и посейчас не причалилась к окончательному бережку, хотя, собственно, выбора уже нет.

Застряла на нулях.

Оба Виктора не посмотрели, что у неё ноги растут из подмышек. Не посмотрели и на другое неоспоримое достоинство Ксюни: «испорченная женщина реже ломается». Ни на что не посмотрели эти гофрированные шланги, и дали Ксюрке от гнилых ворот крутой поворот.

И всё начинай сначала!

Вот что обидно.

⁷ Феррари – автомобиль «Запорожец».

⁸ Недогонушатый – глупый человек.

⁹ Кугутня – провинция.

¹⁰ Филон – нищий.

3 сентября 1963

Молочный козел

*Кто же виноват, что кроме Истории мы ничего не умеем
делать?*

Б. Крутиер

Была дряхлая осень.

Плаксивое небо.

Чернозём, который, по мнению очеркистов, отличается от сливочного масла лишь цветом, пополз по всем швам.

Устоялось классическое бездорожье.

– Сейчас не машине от гостиницы можно доплыть только до чайной, – авторитетно информировал почётный ветеран автогужтранспорта.

Как бы ветеран сконфузился, увидь, что именно в эту минуту черту райгородка отчаянно пересёк уляпанный грязью козлик.

Победно пуская разбуженному рыжему псу дым в глаза, он гордо лёг на нижеикорецкий курс.

На лицах пассажиров неприступно покоилась святая печать высокой миссии. Они деловито смотрели вперёд, готовые во всякое мгновение понести на вытянутых руках автоколесницу, если та влипнет.

В Икорце двое вышли.

Козлик, трафаретно чихнув, запрыгал далее по ухабам с прочим руководящим людом.

А икорецкие гости молодецкато выпрямились, принципиально глянули друг другу в глаза.

– Ну! – торжественно сказал тот, что повыше, потоньше и помоложе, тому, что пониже, потолще и постарше.

«Ну!» прозвучало, как хлопок пистолета на старте.

У высокого вдохновенно загорелись глаза.

Первое дело – визит конторе.

Они шумно распахивали одну дверь за другой, но никто не выбегал навстречу с хлебом-солью на расшитом рушнике.

– Где народ? На обеде? Как можно спокойно есть!?

Они даже как-то нехорошо обрадовались, когда увидели зоотехника Анания Лыкова.

– Ага! – В их голосах дрожал металл. – Сам на курорте? Ты за него?

– Я, – обмяк Ананий.

– Рассыльный под рукой?

– Зачем?

– Он ещё спрашивает! К шести сюда – всех заведующих! Всех бригадиров! Всех помощников! Где тут у вас комсорг?

– Вот... Аннушка...

– Аня! – не переводя дыхания, продолжал высокий. – Аня! А вы умрите геройской смертью, но обеспечьте к вечеру трио дружинников по вашей линии. Не делайте большие глаза. Напрасная трата эмоций!

Он властно отвёл её в сторону и стал с жаром объяснять.

В восемнадцать часов пять минут тридцать две секунды по московскому времени открылась молочная конференция.

Какими речами блистали делегаты района! Бедное человечество прозябало бы в наведении ораторских жемчужин, не будь меня.

Я вовремя вспомнил о человечестве и потому всё добросовестно застенографировал.

Тот, что повыше, встал и сказал до гениальности ясно:

– Товарищи! Вон товарищ улыбается. А на улыбку нет оснований. Наоборот, кое-кому может обломиться! Район взялся до срока расквитаться с квартальным планом, а уважаемый «Путь к коммунизму» всю картину портит. Смотрите! Вам светят родные огоньки коммунизма!¹¹ Ну что у вас за надой?! Смех! На Петровской ферме два и пять. Дали шрот. Опять два и пять! Никакой отдачи! Стоило ли этим товарищам давать шрот? Не стоило! Нужно к каждой корове подходить индивидуально: шрот по молоку! По одежке протягивай ножки! А вообще, по-моему, надо танцевать от вопроса, хочет ли заведующий той фермой быть заведующим? Видно, не хочет. Срочно подыскать нового!.. Товарищи, – оратор перешёл на низкий регистр, будто собирался выложить гостайну, – товарищи, а вы уверены, что у вас на фермах честные люди?

– Ка-ак можно сумлеваться?

– Гм... Излишняя самоуверенность!



Его голос зазвенел вдохновенно:

– Спасибо дружинникам, что не пришли. А то б я с ними сейчас встретил доярок и прозондировал, с чем они идут домой с фермы. С молоком! Со шротом! Понавесили к демаркационной линии¹² и тащат по домам соцсобственность. Знаем мы ваше дорогое пролетарское самосознание.¹³ Передайте им, что мы держим связь с милицией. Для кого-нибудь дела могут кончиться кислым пшиком... На полнедели мы приехали... Поднять ваше молоко... Это нужно сделать в трёхдневный срок! При желании можно всего добиться! Иначе кто-то положит на стол хлебные ксивы... извините, партбилеты членов КПСС!

Все были изумлены, озадачены, но аплодисменты зажали.

Мужичок в кацавейке, глядя на оратора, шепнул соседу:

– Шустёр молочный козёл!

Тот, что постарше, тоже сказал. Наверное, опыт научил его говорить мало и без патетики. Но с подтекстом.

– Товарищи, – сказал он. – Единственная просьба к вам. Не подведите нас и не окажитесь сами в плохом положении.

Сделав дело, сияющие командированные с достоинством отбыли на покой.

Они были уверены, что теперь молоко польётся полной безбрежной речушкой. Ведь только что именно они убрали пороги!

¹¹ Огни коммунизма – крематорий.

¹² Демаркационная линия – углубление между ягодицами.

¹³ Пролетарское самосознание – воровство на производстве.

Лыков иначе прокомментировал нашествие районных уполномоченных по борьбе за изобилие.

— Хотя я и большой оптимист, но после кабинетной грозы не рассчитываю на молочное, если можно так сказать, наводнение. Ох уж это опекунство! Толкачей косяками заносит в колхозы! И кого там только нет! Он знает село, как я танцую в балете. А едет организовывать! Вон ныне пожаловал толкать молоко инструктор горгаза Гром-Чмыхайло. Тот, что помоложе...

— А сев, уборка... — вклинился в интервью старый тракторист со скандальным прыщиком на носу. — Что деется! Понахлынут и из райзагса, и из райкомхоза, и из райтопа, и из райморга... Земля слухом полнится, там кампания живее продвигается, где есть михлюдки из райсуда и райпрокуратуры. Наш брат мозоль¹⁴ не пристаёт с лекцией к судье, чтобы не смел вертеть, к слову, законами, как дышлом. А вот судья учит, как пахать. А что, — дед гордо погладил персональный прыщик, — если всех толкунов собрать воедино да создать колхоз? Паши, да не языком! Сей, молоти. Крути дело и не путайся под ногами верёвкой. Показывай нам, неорганизованным, как невестушку Землю любить, а мы на ус будем мотать. Ну что?

Я молча выставил большой палец и дал за идею взятку.

Папиросу.

Старику очень хотелось покурить.

1963

¹⁴ Мозоль — крестьянин.

Осмелилась мышка пощекотать кошку

Мырождены, чтоб сказку портишь былью.
В. Гараев



№ 6

ОСМЕЛИЛАСЬ МЫШКА ПОЩЕКОТАТЬ КОШКУ

Ветка. Полночь. В комнате
целое коммюнистическое вече. А за
дверью тихо: слышен говор сапож-
ников из Нурма по вопросу
культурного обслуживания
аппаратчиков. За окном темнота
и тишина, представители местного
высшего звена.

А она, Галя Сахарова, сидит
тут и смотрит то на окно, то
на прищипку, то на часы.

Прищипка уже единственный па-
тух Якова Малахова.

— Задремал бы, мальчи-
на, — робко шепчет Галя.

Прищипка молчит. Никогда
Анатолий Васильевич не спит.

— Вы слышите? Это же оскорб-
ление! Идем же, мальчики!

Мы — немощные! Это покажи на
этой соборнице. Да, это и есть
срок!

И марксисту Юрию Са-
харову поутру изобретают
бывшему соборнику в чине
«Под лучами прожектора». Он
молчал.

И ах нам шепотом поступила
Галя с сатирическим «извест-
ием» сорвала марксисту и бро-
сила Сахарову.

— Ты светишь! Она еще с го-
мореем! — выкрикнул Ветер.

После этого сатирического про-
курора доставили вместе с гвар-
дией в тюрьму.

«Молодая Женщина! С при-
ветом и вам А. Ветер. Потому
не оставляйте этот случай безна-
казанным: нам нельзя будет
больше ничего выиграть, да и
над нами станут смеяться, — а
она говорит, что ничего не
делаем. На мой взгляд, дата
на сутюг пятнадцать — обрат-
нись. Подпись, пожалуйста,
не забудьте еще — вы должны
те же работы с мажором».

Но в прокуратуре не подде-
ржали. Потому что никто не
мог послать в указанное место
по комсомольской путевке.

А. САНЖАРОВСКИЙ

«Молодой коммунар»
(Г. Тула).

(Журнал
"Крокодил",
№ 18 за 1965)

Только вы!..

— Может, кто ещё?

— Только вы, наш спаситель, можете убить её сатирическим пером!

— Кого?

— Сахарову из Синих Полян. Не то она наш авторитет в той округе пристукнет. Там
такая!.. О-о-о...

Стон разбудил во мне рыцаря.

Благородство забулькало во мне как кипяток в тульском самоваре.

Я отточил копье-карандаш, поправил шлем-берет и ринулся на семи ветрах в Поляны.

Вслед мне делали ручкой счастливики из райкома.

Передо мной ангел, которого я должен убить.

Она склонила головку к кусту черёмухи, румянится, потупив долу кари очи.

Дрогнуло моё сердце.

Я почувствовал...

Там, в отделе кадров Парнаса, ошибся я. Следовало б мне подаваться в цех лириков, а не сатириков.

В милейшей беседе я уяснил – у ангела есть терпение. Что оно тоже лопается. Когда нельзя не лопнуть.

Весна.

Полночь.

Комсомольское вече.

А за окном пели самые разные птицы, в том числе и товарищи соловьи, пожаловавшие из Курска по вопросу культурного обслуживания влюбленных.

А за окном томился он, несоюзный член.

Галя умоляюще смотрела то на часы, то на окно, то на президиум.

– Господи-и!.. Двенадцать!.. – простонала она.

Прокричал одноногий петух бабки Меланьи.

Дремавший зал ожил, зашевелился, кто-то недовольно проворчал.

Галя робко плеснула масла в затухающий огонь:

– Закруглялись бы, мальчики...

Президиум ахнул.

Восемнадцатилетний председатель, комсорг Антон Вихрев, остолбенел. Но сказал:

– Вы слышали? Да нет, вы слышали?! Это ж оскорбление! Какие мы мальчики? Мы – комсомол! Во-вторых, это похоже на срыв собрания. Нет, это и есть срыв!

Сыр-бор с последствиями.

Всю ночь карикатурист Юрий Саранчин не спал.

Утром Галя натолкнулась в конторе на газету «Под лучом прожектора» и узнала себя. Руки назад, как у пловца перед прыжком, шея – длиннющая палка, венчающаяся подобием головы, брызжащий рот.

Ах, как жестоко поступила Галя с сатирическим художеством. Сорвала и бросила Юрию:

– Хрякодил! – иначе не называли его те, на кого рисовал карикатуры. – Хрякодил, я хочу с тобой поделиться поровну. Фифти-фифти. Полтворения твоего мне, пол – тебе, – и газету на две части.

Комитет.

Гонцы прилетели за Галей.

– Передайте, – сказала она, – пусть что хотят, то и решают.

– Ты смотри! Она ещё с гонором! – кипел Вихрев – Я ей!

Постановление комитета грознее Грозного:

«Ходатайствовать перед прокурором района о привлечении комсомолки Сахаровой к ответственности за хулиганское поведение».

Районному прокурору доставили гневный пакет. В нём выписка из протокола, акт о «разорвании печатного органа» и уникальнейшее произведение:



Николай Яковлевич!

С приветом к вам А. Вихрев. Прошу не оставлять случай безнаказанным – нам нельзя будет больше ничего вывесить да и над нами станут смеяться, а она говорит – мы ничего не сделаем. На мой взгляд, дать ей суток пятнадцать – образумится. Такого мнения и рабочком. Надеюсь, поддержите. Не примете мер – вы осложните нам работу с массами.

А неужели комсомол не управился бы сам? Без Феиды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.